

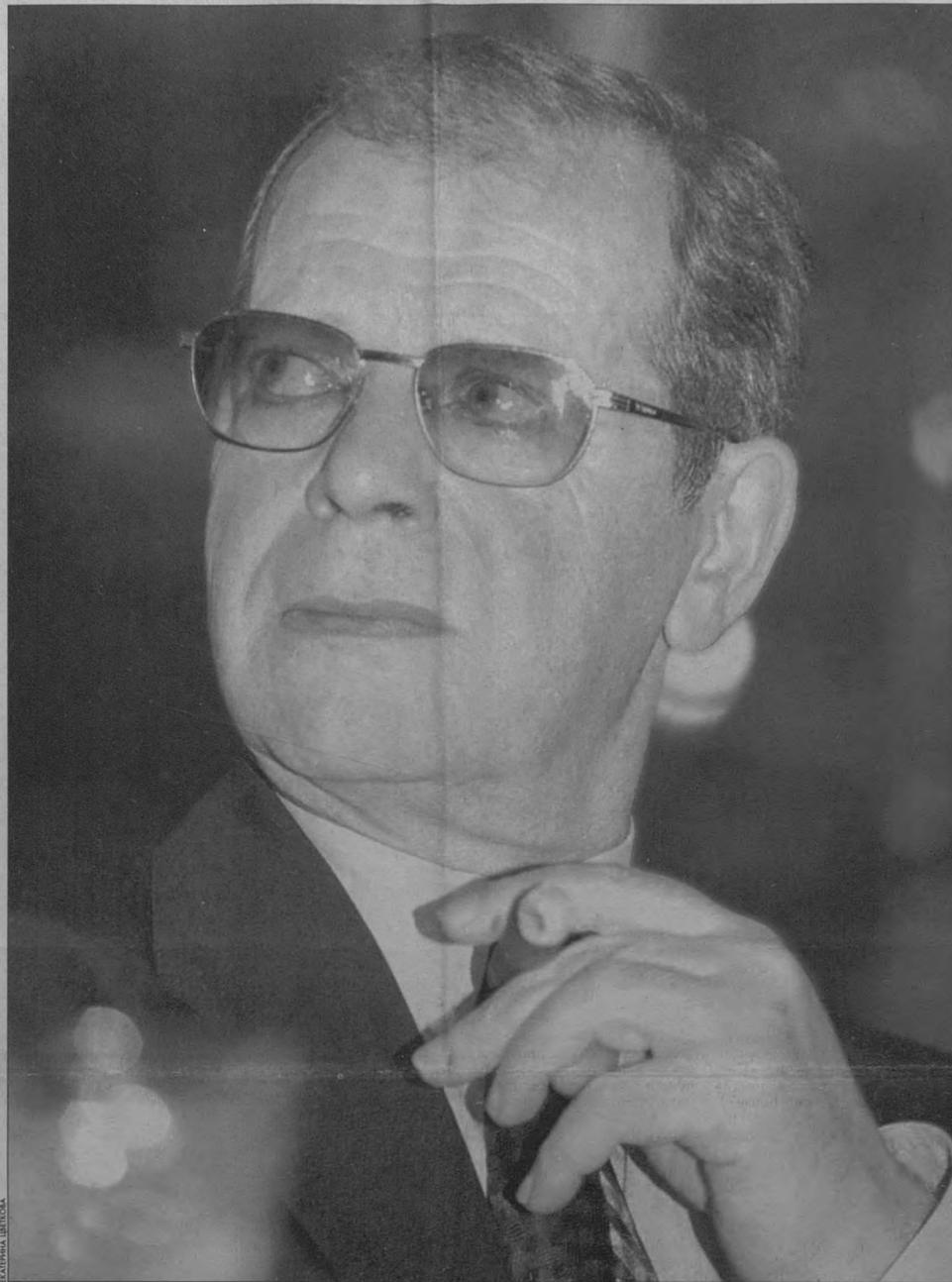

Беседовала Евгения Ульченко

В молодости его путали с итальянским актером Марчелло Мастоизи. Потом стали находить сходство с бывшим уже теперь министром финансов Александром Лившицем. Но во все времена писатель-сатирик Аркадий Арканов имел собственное лицо и оставался самим собой, привлекая слушателей и читателей сочетанием тонкого юмора, злого сарказма и печальной иронии.

Аркадий АРКАНОВ:

До будущего мы не доживем

кому не нравится Петросян. Я тоже не являюсь его поклонником, но, извините меня, Петросян собирает огромные залы, имеет невероятную аудиторию. Делайте выводы.

— И вы не станете переживать, если на концерт Петросяна придут 5000 человек, а на ваш — 700?

— Это будут мои семьсот человек, вполне достаточно. Еще Бунин заметил, что у творческих людей не так, как у собак. Бульдозеру не приходит в голову завидовать болонке, потому что она такая, видите ли, кудрявая, вся в бантиках, и ее любят и ласкают. Каждый живет в своей породе. На любом сборном конкурсе я не изменю своему пониманию тонкости и изящества, своему отношению к жизни. Даже если в какие-то моменты публика начнет меня гнать, как Хазанова, со сцены, когда «студент кулинарного техникума» рискнул усложнить свой репертуар. А вот на моем авторском вечере зрителей Петросяна точно не будет. Если кто-то и купит билет, то разочаруется. В крайнем случае, через 20 минут уйдет, потому что моя публика ждет от меня светлой лирики и некоторой грусти.

Что до «Аншлага», то он востребован. Остановите первых 100 случайных прохожих на улице, и 75 из них скажут, что это — супер. По своему уровню, вкусу, структуре «Аншлаг» мне интересен. Я не собираюсь его унижать — подумаешь, баракло на постном масле! — и как-то с ним конкурировать. Кому нравится, пусть смотрит.

— Мы знаем, что подражалось под словом «сатира» в советское время. Многие писатели, называющие себя сатириками, совершенно замечательно при этом жили. А один из них даже гимн сочинил.

— Я безмерно уважаю Сергея Михалкова как прекрасного поэта и уникального человека. Но это нонсенс, что главный редактор журнала «Фитиль» написал гимн Советского Союза. Сатирик всегда должен сочинять антигимны!

— Для вас написание гимна — задача невыполнимая?

— При всей моей любви к России и желании создать для нее достойный гимн — это не моя стезя. И за передовую статью в газету никогда не возьмусь. А вот стать консультантом речей Путина я, пожалуй, за небольшие деньги смогу бы. На мой взгляд, команда, которая этим занимается, состоит из дилетантов. Она не способна придать речи президента достойную форму.

— Был, по вашему мнению, период в истории страны, когда сатирику жить было особенно весело?

позловизация. Попса — это не только «муси-пуси» и «джагаджага». Хотя я лично, может быть, «другой такой страны не знаю, где так волюно дышит Катя Лель». Если разобраться, то политические деятели у нас тоже поповские. Не говорю обо всех и тем более конкретно. И это не значит, что политик должен вести себя высокомерно. Я за простоту общения и перед кепочкой Лужкова снимаю шляпу.

— Если политики заняли место сатириков, то не пора ли уже сделать рокировку?

— А почему нет? Иосиф Давыдович Кобзон в Думе же заседает. И не только он. Вот и Розенбаум стал государственным мужем, а один известный всем аншлаговец даже взял на себя ответственность за Алтайский край... Я не против, чтобы деятель культуры был членом Государственной думы. Но политика — это не хобби, а профессия, причем ответственная. Ну не может профессиональный литератор заблуждаться на пару часов в Думу, чтобы позаседать. Вся беда нашего времени в том, что пироги печет сапожник...

— А может сегодня писатель-сатирик обойтись без подработки?

— Будь моя воля, я занимался бы только сочинением рассказов и писал бы повести. Но писательский гонорар не дает возможности прожить хотя бы до следующей книги. Потому и не отказываюсь от выступлений и поездок, в том числе заграничных, хотя сам никуда не рвусь.

— Вы часто мелькаете в телевизионных программах. Может сложиться впечатление, что вы завалены деньгами.

— Ничего подобного, при том, что съемка обычно длится 4–5 часов. Гонорар за участие действительно предостаточен. Но, по мнению заказчика, мне следует бескорыстно

радоваться тому, что я в очередной раз «засветился». Подобной пороковой практики нет ни в одной стране мира.

— Программа «Вокруг смеха» тоже один из способов заработать?

— Я ее очень люблю и надеюсь, что зрители разделяют мои симпатии. Мне кажется, что сегодня это единственная серьезная, даже где-то аналитическая программа о сатире и юморе. Не случайно она появилась вновь именно на канале «Культура».

— В этом году вы возглавляли жюри Международного фестиваля юмора в Ялте, а до этого именно вами открыт российский антолог сатиры и юмора XX века, которую издают сейчас в «ЭКМО-Пресс». Считаете ли вы себя сатириком номер 1?

— Я всегда относился к себе с иронией. Мой том открыл антологию не потому, что я этого заслуживаю, и даже не благодаря моей фамилии на букву «А». В «ЭКМО» решили сначала издать книги востребованных авторов. Это может принести прибыль, которая пойдет на издание менее раскупаемых томов. Сам факт продаваемости говорит не о качестве, а о реальном спросе. Мало кому, к сожалению, сегодня понятны и интересны фельетоны Пантелеймона Романова, даже великий Зошенко — теперь чтение для избранных.

— На Западе те же процессы. Бестселлеры — и там не так уж часто литература высокого качества.

— Это быстрая духовная пицца — литературный «Макдоналдс». Она дешевая, съел — и порядок. А прибыль большая — есть-то каждый день хочется. Изысканное не каждому по карману, да и не все способны оценить. Как у нас, так и на Западе.

— Чем, на ваш взгляд, российские сатира и юмор отличаются от западных?

— Миша Жванецкий — я его обожаю! — считает, что наши сатира и юмор выше. Почему? Российская сатира социальная. На Западе люди совсем иначе живут. Кстати, уровень шуток на наших светских тусовках мало чем отличается от западного. Потому что вечеринки эти посещают люди, имеющие деньги. Им не нужны социальные напруги, и я не считаю, что это плохо. Чего не выношу, так это пофигизма. Я совсем не против пародий на наших политиков, но когда делается акцент на врожденное пятно на голове, иначе, чем глупостью и хамством, это не назовешь. У меня у самого в школьные годы вырвалась шуточка — до сих пор вспоминать стыдно. Я играл в шахматы с парнем, у которого была одна нога (он попал под трамвай). И, совершенно забыв о его несчастье, зашел детскую песенку: «Хорошо тому живется, у кого одна нога: и ботиночек не рвется, и портяночка целая».

Наши сатирики-юмористы бывают и безвкусы, и бестактны. А уж артисты разговорного жанра... Если ты купил себе «Мерседес» за 200 тысяч баксов — ради бога, катайся. Но когда вокруг тебя столпились нищие, которые не могут собрать денег даже на велосипед, а ты в конце телепередачи садишься в лиму-

зин и вот такой великий уезжаешь на нем, оставив всех вокруг в полном дерьме, — то это свинство по отношению к тем, кто на тебя сейчас смотрит. Можешь хоть жить в своем «Мерседесе», но не суй мне его под нос, потому что этим ты меня унижаешь. На Западе есть и богатые, и бедные, но такой бестактности там не встретишь.

— А как вы считаете, что сейчас происходит с таким популярным в России жанром, как анекдот? Кто их сочиняет и где новые шедевры?

— Говорят, что анекдоты сочиняет народ. Не видел ни разу. У нас много людей чрезвычайно остроумных и очень самолюбивых. Каждый радуется удачно написанной им фразе и передает ее из уст в уста. Очень много фраз ушло в люди и от Задорнова, и от Хазанова, и от Гриши Горина, и от моего друга Александра Анатольевича Ширвиндта, какие-то фразы — от меня. Но я не знаю случая, чтобы Хазанов сказал: «Этот анекдот сочинил я». Я за всю свою жизнь два или три раза сочинял что-то, что по жанру могу назвать анекдотом. Но сидеть и специально сочинять анекдоты — дело бессмысленное. Так что, кто их сочиняет, не знаю. Иногда даже думаю, что они нам подбрасываются инопланетянами. Это, кстати, точка зрения и замечательного американского фантаста Айзека Азимова. Он сказал, что анекдоты подбрасываются нам «оттуда» для проверки чувства юмора, чтобы не дать нам засохнуть. И действительно, настоящие анекдоты возникают тогда, когда на общество что-то начинает давить. Какая жизнь — такие и анекдоты.

— Известно, что «мир уцелел, потому что смеялся». Помогает ли вам ваше собственное чувство юмора?

— Мне — нет. А вот моим друзьям и близким — да.

— Как вы считаете, Аркадий Михайлович, трудно жить с писателем-сатириком?

— Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что со мной всем моим женам было легко, весело и радостно. А полной гармонии в семейной жизни достичь невозможно. Если что-то не монтируется, я готов пойти на уступки — не мальчик уже. У меня самого двое взрослых сыновей.

— А говорили, что у вас только один сын — Василий Арканов, спецкор НТВ в США.

— Мой второй — младший — сын с двух лет живет в Париже, его мама очень солидная женщина, католичка, всегда мечтала уехать, хотела, чтобы сын Сорбонну окончил. У нас не было официального брака, просто длительный роман. Сын сейчас занимается политическим пиаром. Знает русский язык. Не могу сказать, что говорит, как Пушкин, но довольно неплохо. Он — функционер при партии. Но при какой-то очень

маленькой партии, даже не зеленой. Но и не голубой. Это я точно знаю.

— Как ваш старший сын Василий оказался в Америке?

— В Москве окончил факультет журналистики, а в США уехал в 93-м году. Время было очень тревожное, и за неделю до смерти его мама, моя жена, клятвенно попросила его уехать. И он выполнил ее желание. Он работал, зарабатывал себе на жизнь. Потом поступил в Колумбийский университет.

— А как он зарабатывал на жизнь?

— Служил то в банке клерком, то в компании, которая производила диски. Потом уже, учась на факультете телевидения в Колумбийском университете, стал работать на BBC, CNN. Его работы увидели на НТВ и предложили контракт.

— Рассказывают, что первый свой сюжет он сделал в трагический день 11 сентября.

— Да. Его первый сюжет был сделан 11 сентября, он бежал по Нью-Йорку и дрожащим голосом рассказывал о происходящих событиях. У него не было ни бейджика, ни удостоверения спецкора НТВ, но он сумел пробраться везде, где было нужно.

— Вы никогда ничего не говорите о своей личной жизни. Правда, что первой вашей женой была певица Майя Кристалинская?

— Майя действительно была моей женой, я не делаю из этого никакого секрета. Мы познакомились с ней чисто случайно в 1957 году, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Я был тогда большой на девушек и женщин с хорошим слухом. Для меня главным было в женщине, помимо, конечно, внешности, чтобы она была с юмором и музыкальна. Если без юмора или без слуха — все, не получается... Я очень быстро влюбился в Майю, а она — в меня. Спустя два месяца мы расписались, а еще через семь расстались. Объяснить причину тут невозможно. Но должен сказать, что до конца ее дней мы сохранили хорошие, теплые и нормальные человеческие отношения. Сейчас у меня есть жена Наташа. Мы вместе уже довольно давно. Она окончила консерваторию по классу скрипки. Была старшим редактором на Останкинском телевидении. Кураторовала программу «Утренняя почта». Знала всех звезд. В 90-м году Наташа ушла с телевидения и теперь помогает мне в делах.

— Говорят, у вас сейчас куча разных проектов, в том числе музыкальных?

— Да, хочу грамотной, с хорошим оркестром записать и сам исполнить 10–15 знаменитых шлягеров джазовой музыки — наших и американских. Текст будет мой: составил или перевел. Но главное, я только что закончил роман «Рукописи возвращаются».

Слова

Александр Ширвиндт:

— Как раз на днях я принимал участие в съемках очередной программы Аркадия Арканова «Вокруг смеха». Разговор получился теоретически-ностальгическим. Мы вспоминали 50–60-е годы, когда театральные актеры много играли на эстраде. Сейчас, конечно, это уже история...

Ну что я могу сказать об Арканове? Успех сопутствовал ему с самого начала. Ничего не надо было искать, он сразу доказал свое право считаться писателем. Доказал, что обладает талантом, тонким вкусом и уникальным чувством юмора. И главное, что по сей день он всех нас в это чувство юмора умеет приводить.

сделать всем смешно вообще превращает писателя в эстрадника и приводит к вечной зависимости от людей, которые пришли посмеяться. У нас любят умирать от смеха. Это отвлекает от подлинного умирания.

— Но у вас тоже бываю и творческие встречи, и вечера, и концерты. Ваши зрители отличаются от поклонников «Аншлага», Анатолия Трушкина или Петросяна?

— Трушкин известен, самодостаточен и популярен. Он — сатирик, и в этом нет ничего удивительного. Со своей задачей на сцене в рамках жанра он справляется. Знаю многих,

— Хотите сказать — легко? Не было, да и быть не могло. Важно, чтобы сатира не превалировала. Без позитивного начала страна превратится в сумасшедший дом: все смеются, хохочут, скажут, указывают друг другу пальцами на недостатки... И никто ничем не занимается. «Изображаем безудержную радость» — вот девиз нашего времени.

— Зато теперь сатирики вынуждены соперничать с политиками. Нет конкурентов ни Жириновскому, ни Митрофанову. И на чем держаться жанру?

— Я уже писал, что наша жизнь — это демократия иллю-

Играйте, играйте, а командовать парадом все равно буду я!